

ВИТЯЗЬ В ТИГ-

*Мушкетрауу*

РОВОИ ШКУРЕ

LE CHEVALIER À LA

*Illustrations*

PEAU DE TIGRE

THE KNIGHT IN

*Illustrations*

THE TIGER'S SKIN

DER RECKE DER

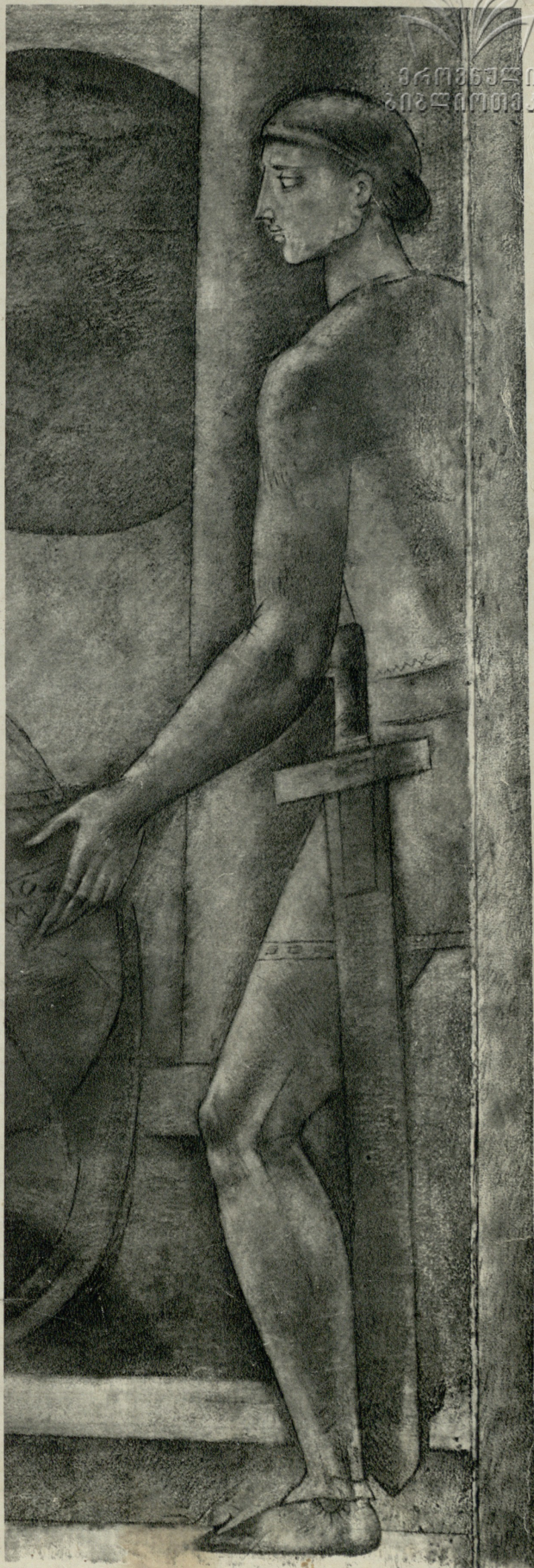
*Illustrationen*

TIGERFELL

ՀԱՅՏԱՆԻ

*Հայաստան*

ՇԿԱՄԵՏՈ

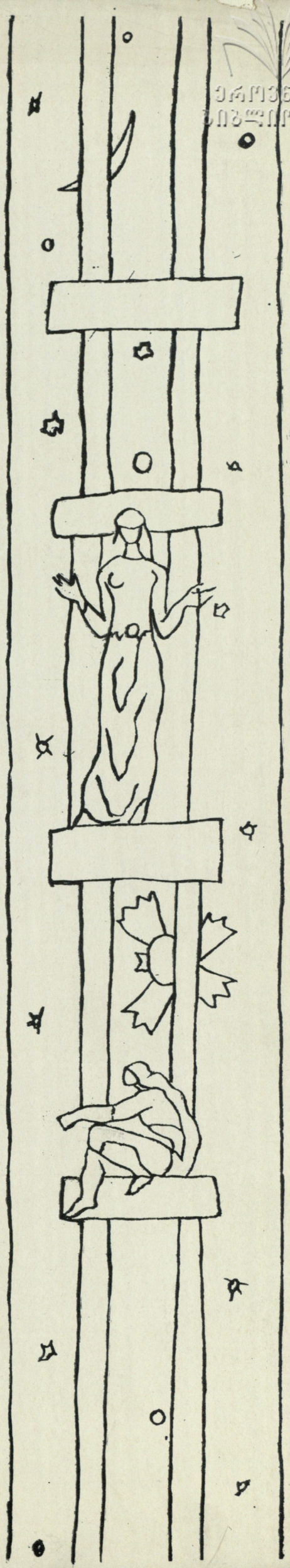




ეროვნული  
ბიბლიოთეკა

„ლიტერატურა და ხელოვნება“  
თბილისი

Handwritten text in a non-Latin script, possibly Georgian, located in the top right corner of the page.

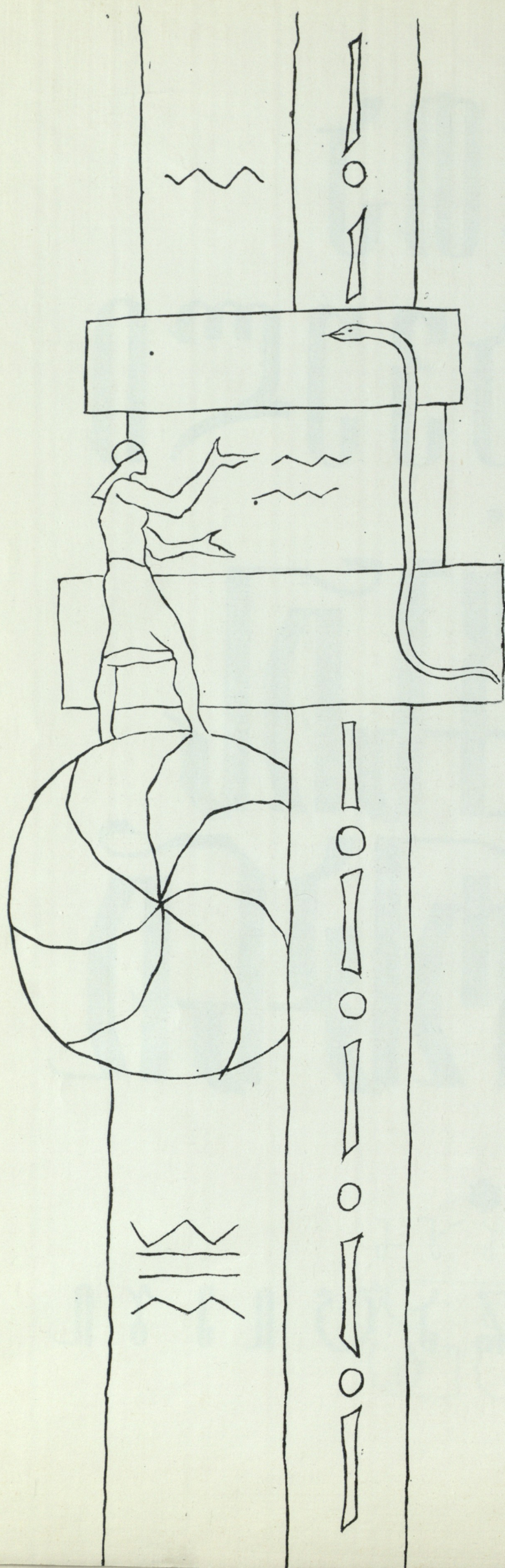


ბჭი ბ ბ ბ ბ ბ  
— ბ ბ ბ ბ  
ბ ბ ბ ბ ბ

ფრთხი  
სამსახურე

საქართველო  
საქართველო

საქართველო



„ვეფხისტყაოსანი“ თავიდანვე იქცა მხატვართა შთაგონების წყაროდ. პოემა ადიდებს სიყვარულის, შეგობრობისა და რაინდობის სილამაზეს. ფილოსოფიური სიღრმისა და რომანტიკული ფაბულის გამო პოემა ყალმის ოსტატთა დიდ ინტერესს იწვევდა და ახლაც იწვევს. „ვეფხისტყაოსნის“ დასურათებას მკაფიოდ ჩამოყალიბებული ტრადიციები აქვს და მისი ისტორია საუკუნეების სიღრმეში მიდის. შემონახულია XVI—XVII საუკუნეების მინიატურები, რომლებმაც პოემის შემდგომ დასურათებაში მცირე როლი როდი შეასრულეს; ძირითადად სწორედ ამ ძველ ხელნაწერთა ილუსტრაციებში შერჩეულ ეპიზოდებს ირჩევდნენ ილუსტრატორები, ბუნებრივია, ყოველი მათგანი თავისებურად აღიქვამდა და ასახავდა რუსთაველის პოემის მთავარ მომენტებს: ერთნი თხრობით ელემენტს აძლევდნენ უპირატესობას, მეორენი გმირთა პეროიკულ მოქმედებასა და ა. შ.

„ვეფხისტყაოსნის“ დამსურათებელთა წრეს ახალი სახელი შეემატა—ლევან ცუცქერიძე. იგი ქართველ მხატვართა ახალგაზრდა თაობის ნიჭიერი წარმომადგენელია. წინამდებარე ნამუშევარი ხუთი წლის მუყაითი და საინტერესო შემოქმედებითი შრომის ნაყოფია.

მხატვარმა ფანქრით შესრულებული დიდი ფორმატის (64—55 სმ) თხუთმეტი ილუსტრაცია წარმოგვიდგინა. მათი უმრავლესობა ტრადიციულ სცენებს ასახავს, პოემის ზოგიერთი ეპიზოდი კი პირველადაა ილუსტრირებული. აღსანიშნავია, რომ მხატვარმა თავისებური ფორმა მოუძებნა „ვეფხისტყაოსნის“ დასაწყისსა და დასასრულს: ვეფხვის სიმბოლური ფიგურით შეეცადა გადმოეცა საერთო განწყობილება, რომელიც პოემის ტემპს ესიტყვება.

ლევან ცუცქერიძის ილუსტრაციებში უმთავრესია ტექსტის სახვითი საშუალებებით აქცენტირება, გმირთა ხასიათის პლასტიკის ენით გახსნა. ილუსტრაციების მონუმენტალობით მხატვარი ამაღლებულ განწყობილებას ქმნის. დიდ მნიშვნელობას ანიჭებს ფიგურათა მოძრაობას, ფორმათა პლასტიკას. შიშველი სხეულის მშვენიერების გადმოსაცემად ავტორი იყენებს თხელ სამოსს, სადაც დრაპირება კი არ არის მთავარი, არამედ თვით სხეული, იგი ცდილობს გმირთა ფსიქოლოგიური არსის გახსნას.

პოემის საერთო ამაღლებული განწყობილების გამოსახატავად მხატვარი ხშირად იყენებს მზის თემას, რომელსაც ფერადოვანი ქლერადობა შეაქვს კომპოზიციაში. ხოლო თვით მზის ფორმას ამ კომპოზიციაში გარკვეული მნიშვნელობა ენიჭება.

„ვეფხისტყაოსნის“ ილუსტრაციებით ლევან ცუცქერიძე წარმოგვიდგება, როგორც მკვეთრად ჩამოყალიბებული ინდივიდუალობის მხატვარი, რომელმაც მტკიცედ დაიმკვიდრა ადგილი თანამედროვე ქართულ სახვით ხელოვნებაში.

Издавна вдохновляла художников поэма Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Романтическая фабула и большая философская глубина поэмы, воспевающая красоту любви, дружбы и мужества, всегда привлекала интерес мастеров кисти. Иллюстрация поэмы имеет богатую, уходящую вглубь веков историю, свои твёрдо сложившиеся традиции. Сохранились миниатюры XVI—XVII веков, сыгравшие немаловажную роль в дальнейшем художественном оформлении поэмы. В основном позднейшие художники останавливались на тех же эпизодах, которые привлекли внимание первых ее иллюстраторов Правда, каждый из них по своему воспринимает и трактует поэму: одних привлекают больше элементы повествовательные, других героика действия и т. д.

В последнее время к числу иллюстраторов „Витязя в тигровой шкуре“ прибавилось еще одно имя. Это Леван Цуцкиридзе—способный представитель молодого поколения грузинских художников. Представленная работа—итог пятилетнего упорного труда. Художник исполнил карандашом 15 иллюстраций большого формата (64 X 55 см). Большинство из них воспроизводит уже ставшие традиционными в искусстве сцены и лишь несколько эпизодов поэмы впервые им иллюстрируются. Интересна своеобразная находка художника: символическая фигура тигра в начале и конце поэмы. Она создает определённый настрой, соответствует общему ритму произведения.

Главное в работе Левана Цуцкиридзе—это удачное акцентирование текста изобразительными средствами, раскрытие психики, характера героев языком пластики. Большое внимание уделяет художник движению фигур, пластике форм. Он не драпирует своих героев в одежды, он рисует тонкие облегающие ткани, чтобы передать всю естественную красоту человеческого тела.

Настроение возвышенности создает монументальность рисунка, а также тема солнца, которая придает богатое звучание композиции. Особое значение в композиции приобретает сама форма солнца. В этой работе Леван Цуцкиридзе предстает как художник четко выраженной индивидуальности, занявший твердое место в современной грузинской живописи.



“The Knight in the Tiger’s Skin”, that great poem by Shota Rustaveli has for ages been a source of inspiration to artists. This hymn to All-encompassing love, friendship and heroism, its philosophical depth and the romantic plot have drawn the attention and interest of many artists.

Illustrating the “The Knight in the Tiger’s Skin” is indeed a deep-rooted tradition. The sixteenth and seventeenth-century manuscript copies of the poem have certainly greatly influenced the development of the style of subsequent illustrations.

Naturally, every illustrator, in accordance with his talent and skill, revealed his own individual attitude and understanding of the text. Some depicted mainly the narrative element, others—the epicurean essence of the poem, the heroic deeds of the main characters.

Levan Tsutskiridze, a representative of the younger generation of Georgian artists, is one of the recent illustrators of the great poem.

The artist has done 15 illustrations, most of them depicting traditional scenes, though he is the first to illustrate some other interesting episodes of the poem. It should be mentioned that the artist has found an interesting form of presentation of the beginning and the end of the poem.

Symbolizing the figure of the tiger, he has attempted to render the general mood which reproduces the tempo of the whole poem.

In order to achieve an expressive depiction of form, Levan Tsutskiridze has followed a new line of development, surpassing all his predecessors in power of imagination and the use of technical means which he has fused into a new harmony.

He tries to reveal the character of his heroes plastically. The psychological features of the personages find profound expression in the dynamic drawings.

So as to reveal the beauty of the nude body, fine drapery is used. To express the elevated spirit of the poem, the artist resorts to sunlight, which lends the compositions a colourful vividness, while the form of the sun itself is also of great significance.

These illustrations done by Levan Tsutskiridze, an artist of creative individuality, have won him a well-deserved place in Georgian decorative art.

L'œuvre géniale de CHOTA ROUSTAVELI a été, au cours des siècles une source intarissable d'inspiration, pour les peintres. Cet hymne à l'amour souverain, à l'amitié, à l'héroïsme a séduit les artistes par la profondeur de sa philosophie et le lyrisme de son sujet.

Une imagerie traditionnelle s'est constituée et maintenue jusqu'à nos jours. Les intéressantes miniatures des XV—XVII-e siècles, qui se sont conservées, ont déterminé en quelque sorte, le choix ultérieur des épisodes illustrés, repris indéfiniment. Il est évident que le talent particulier à l'artiste imprimait une vision personnelle et soulignait soit le récit même, soit le caractère épique ou l'héroïsme des personnages.

Lévan Tsoutskiridze, représentant de la nouvelle génération des peintres géorgiens, a joint son nom à celui des imagiers du „CHEVALIER A LA PEAU DE TIGRE“; Ces quinze illustrations fruit d'un travail de cinq années, ont été exécutées au crayon, sur feuilles de grand format 64 x 55 cm. Elles évoquent des épisodes traditionnels et certains épisodes nouveaux.

Au début et à la fin du poème, le peintre a voulu traduire l'atmosphère et le rythme par la figure symbolique du tigre.

Lévan Tsoutskiridzé a accentué le texte par des moyens figuratifs et dévoilé le monde intérieur des héros par une écriture plastique.

Le caractère monumental des illustrations tend à créer une atmosphère élevée. Le mouvement et la plastique des personnages acquièrent une importance extrême. La splendeur des corps est soulignée par la draperie des vêtements légers—le mouvement traduit l'essence psychologique.

L'atmosphère de grandeur particulière au „Chevalier à la Peau de Tigre“ est exprimée par l'emblème solaire, dont la forme contribue à la composition et y introduit une harmonieuse résonance de couleurs.

Dans ces illustrations se dégage l'individualité marquée de L. Tsoutskiridzé, qui a su acquérir la place qui lui revenait dans l'art figuratif géorgien contemporain.

Schota Rusthawelis geniale Dichtkunst „Der Recke im Tigerfell“ ist seit langem für die Maler Quelle der Eingebung geworden. Das Poem über allmächtige Liebe, Freundschaft und Heldenmut, mit seiner philosophischen Tiefe und romantischer Fabel war für die Maler von großem Interesse. Die Illustrierung „Der Recke im Tigerfell“ hat schon deutlich ausgeprägte Traditionen. Diese Geschichte reicht bis in die Tiefe der Jahrhunderte. Die erhaltenen Miniaturen des XVI—XVII Jahrhunderts haben eine bedeutende Rolle bei der folgenden Illustrierung des Poems gespielt. Und wirklich, die nachfolgenden Illustratoren wählten oft ihre Episoden aus den alten georgischen illustrierten Handschriften. Gewiß, brachte jeder Illustrator je nach seiner Begabung in die Illustrationen individuelle Züge und eigenartige Anschauungen. Einige gaben dem erzählenden Element den Vorzug, andere bevorzugten mehr den Inhalt, die heroischen Handlungen der Helden.

Zu der Reihe der Illustratoren des „Recke im Tigerfell“ ist jetzt noch ein neuer Name dazugekommen: Lewan Zuzkiridse, Vertreter der jungen Generation der georgischen Maler. Die vorliegenden Illustrationen sind von dem Maler in fünf Jahren geschaffen worden. Die Illustrationen sind Bleistiftzeichnungen auf Papier von großem Format (64 x 55cm).

Der Maler schuf 15 Illustrationen, von denen die meisten für die Illustratoren traditionelle Kompositionen tragen, einige aber sind zum erstenmal illustriert worden. Es muß gesagt werden, daß der Künstler eine eigenartige Form für den Anfang und das Ende, „Des Recken im Tigerfell“ gefunden hat. Der Künstler war bestrebt, die symbolische Figur des Tigers der Stimmung des Rhythmus des Poems anzupassen.

In den Illustrationen von Lewan Zuzkiridse liegt der Akzent bei den Gestaltungsmitteln, mit Hilfe deren er seine Helden plastisch gestaltet. Die Illustrationen tragen einen monumentalen Charakter. Diesen monumentalen Charakter erstrebt der Künstler, um eine erhobene Stimmung zu erreichen. Große Bedeutung kommt der Bewegung und der plastischen Form zu. Damit die Schönheit des nackten Leibs nicht verloren gehe, ist er in dünner Kleidung angegeben, wo nicht die Drapierung, sondern der Körper selbst wesentlich ist.

Durch Bearbeitung der ganzen Figur in Bewegung wersucht der Künstler das psychologische Wesen der Helden darzustellen.

Um eine erhöhte Stimmung zu erreichen, bringt der Künstler in seine Illustrationen das Thema der Sonne welches in dieser Komposition zum Schwingen kommt. In dieser Komposition erreicht die Form der Sonne eine bestimmte Bedeutung.

Mit den Illustrationen „Der Recke im Tigerfell“ erscheint Lewan Zuzkiridse als individueller Künstler, der sich schon einen festen Platz in der georgischen Bildenden Kunst von heute erobert hat.



1. დასაწყისი

1. Вступление

1. Introduction.

1. Prologue

1. Prolog

თინათინ მიჰყავს მამასა პირითა მით ნათელითა,  
დასვა და თავსა გვირგვინი დასდგა თავისა ხელითა.

Тинатин отец выводит. Лик ее блестящий бел.  
Посадил на трон, корону ей своей рукой надел.

Thinathin, radiant in countenance, was led in by her sire. He  
seated her and with his own hands set the crown on her head.

Le Roi conduisait Thinathine, au visage resplendissant,  
Il la fit asseoir sur le trône, puis il la couronna lui-même.

Strahlend führte nun der Vater Thinathin an seinen Thron,  
setzte ihr aufs Haupt mit eigenen Händen die geweihte Kron.



თინათინ მიჰყავს მამასა პირითა მით ნათელითა,  
დასვა და თავსა გვირგვინი დასდგა თავისა ხელითა.

Тинатин отец выводит. Лик ее блестящий бел.  
Посадил на трон, корону ей своей рукой надел.

T'hinathin, radiant in countenance, was led in by her sire. He  
seated her and with his own hands set the crown on her head.

Le Roi conduisait Thinathine, au visage resplendissant,  
Il la fit asseoir sur le trône, puis il la couronna lui-même.

Strahlend führte nun der Vater Thinathin an seinen Thron,  
setzte ihr aufs Haupt mit eigenen Händen die geweihte Kron.





سازمان اسناد و کتابخانه ملی  
جمهوری اسلامی ایران



იგი ველი გაირბინეს, ჯოგი წინა შემოისხეს,  
დახოცეს და ამოწყვიდეს, ცათა ღმერთი შეარისხეს,  
ველნი წითლად შეეღებნეს, ნადირთაგან სისხლი ისხეს.  
ავთანდილის შემხედველთა: „პაგასო ალგას, ედემის ხეს“.

Скачут полем, стадо в страхе мчит вперед, ища дорог,  
Истребленьем, избиеньем в небесах разгневан бог.  
В алый цвет поля окрасил кроваеющий поток.  
«Автандил, — кричат в восторге, — быть в раю чинарой мог!»

They ran through that field; they drove the herd before them. They  
slew and exterminated, they made wroth the God of the heavens, the  
fields were dyed crimson with the blood they shed from the beasts.  
Those who watched Avt'handil said: "He is like an aloe-tree  
planted in Eden".

Ils parcourent tout le champ clos par le travers coupant la troupe,  
Tuant, ils font un tel carnage que le Dieu du ciel se courrouce,  
Les prés se colorent de pourpre en s'abreuvant du sang des bêtes,  
Ceux qui voient Avthandil s'écrient: „Il semble un cyprès de „Eden“.

Dumpfe Erde stampft die Herde, hingehezt und sinnverstört.  
Über so viel Mordlust grollend, bäumt der Himmel sich empört.  
Grüßlich röten sich die Täler von dem Blutbad unerhört.  
Baumstark nennt den Ritter mancher, den das grause Spiel betört.



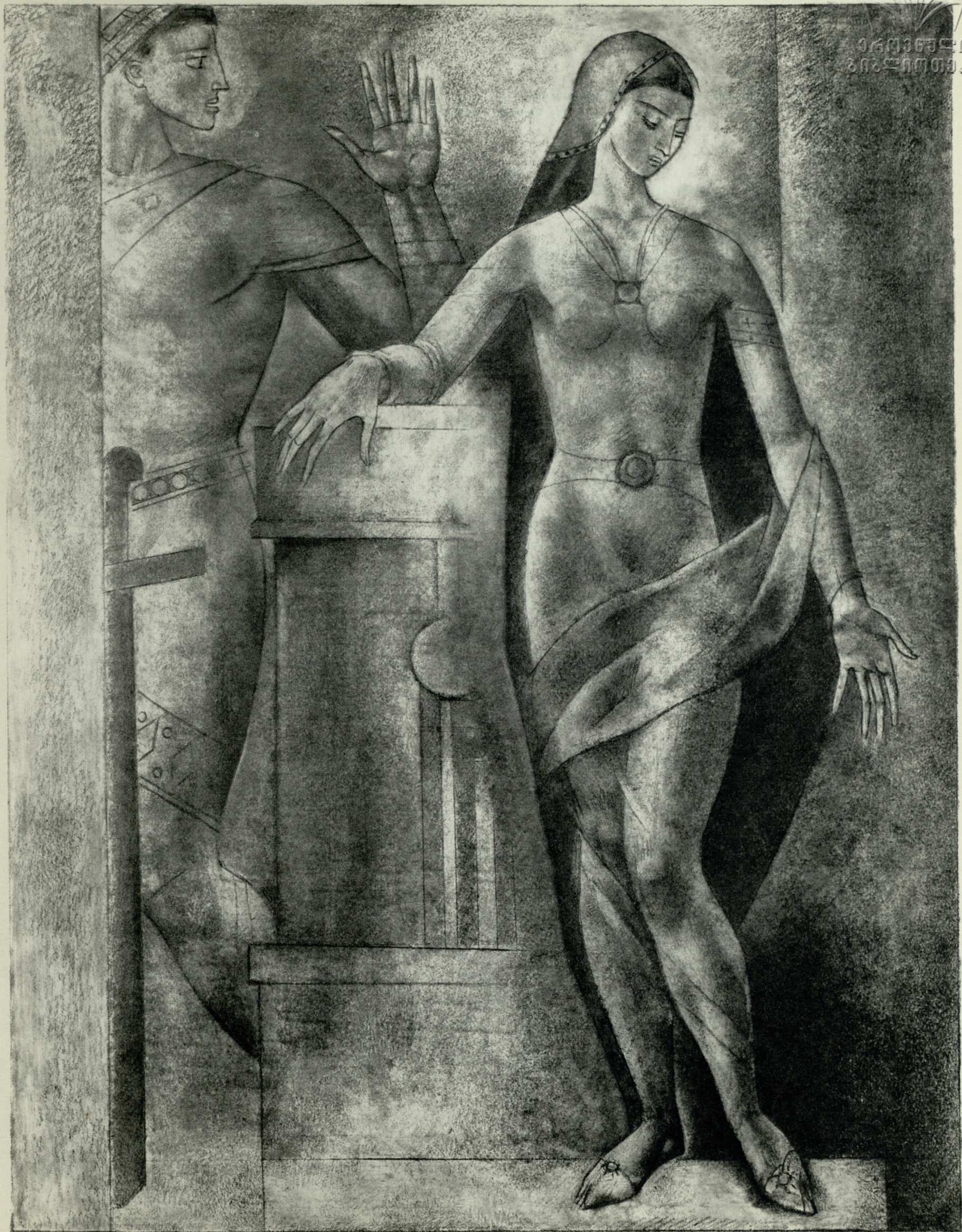
ნახეს უცხო მოყმე ვინმე, ჯდა მტირალი წყლისა პირსა,  
შავი ცხენი სადავითა ჰყვა ლომსა და ვითა გმირსა.

Видят: некий витязь странный плачет, сидя над рекой.  
С львиным схож героя образ. Не разнuzдан вороной.

They saw a certain stranger knight. He sat weeping on the  
bank of the stream, he held his black horse by the rein, he looked  
like a lion and a hero.

Ils voient alors un chevalier étrange, assis au bord de l'eau,  
Tenant les rênes d'un cheval noir, il semble un lion, un héros.

Sieh am Bach ein fremder Recke weinend saß, ein Fürstensproß,  
löwengleich am Zügel hielt er, schwarz wie Nacht, sein edles Roß.



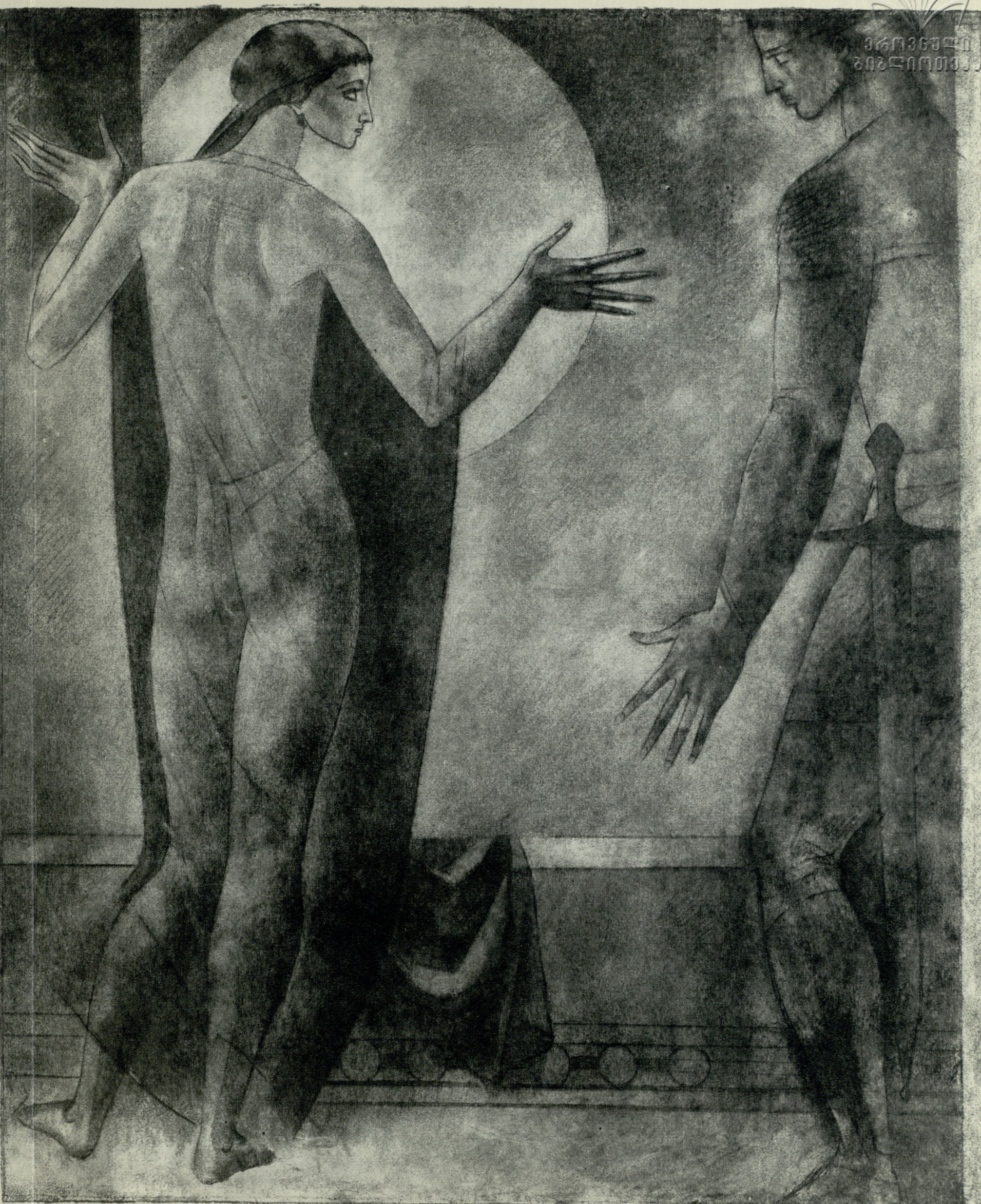
თქვა: მზეთ ვარდსა სიშორე შენი დამაჩნდეს ეს ადრე,  
ბროლი და ლალი გასრულვარ ქარვისა უყვითლესად-რე.  
მაშინ რაღა ვქმნა, ვერ-ჭვრეტა რა მომხედეს კვლა უგრძესად-რე  
ხამს მოყვრისათვის სიკვდილი, ესე მე დამიც წესად-რე.

И сказал: «Светило, роза от разлуки вянет рано,  
И хрусталь легко желтеет, и не блещет лал багряно,  
Что мне делать, ведь разлука будет сердцу тяжкой раной.  
Жизнь свою отдать для друга — я не знаю чести равной».

My crystal and ruby have faded, I am become yellower than amber.  
What shall I do, then, when I cannot see thee for a long time?  
This shall be my law: death for the beloved is fitting.

Il dit: „O mon soleil! déjà la rose est sensible à l'absence,  
J'étais de pourpre et de cristal et je suis plus jaune que l'ambre,  
Que faire si le sort décide que je ne te voie de longtemps,  
Pour l'être aimé il faut mourir, telle est la règle des amants.“

Soll der Bergkristall vergilben blaß der Blutrubin verglühn?  
Was beginn ich, von Euch ferne? Und was fruchten meine Mühen?  
Einem Liebestode geh ich wohl entgegen, einem frühen.



ქალსა შევხედენ, ლახვარი მეცა ცნობასა და გულსა.  
მოვიდა, მივსცნე დურაჯნი, მთხოვა ცეცხლითა დაგულსა.

Засиял мне образ девы; разум мой был отнят богом.  
Подошла Асмаг, я отдал птицу, весь в огне жестоком.

I halted at the door, the woman came forward to meet me and did me  
homage.

J'aperçus une jeune fille, la lance perça ma raison,  
Asmath vint et je lui tendis les faisans, le coeur tout en flammes,  
Malheur à moi! Depuis ce jour le feu sans relâche me brûle.

Ich trat ein. Die Maid erhob sich, ging mir züchtiglich entgegen.





ქვე წვა, ვით კლდისა ნაპრალსა ვეფხი პირ-გამებებული,  
არცა მზე ჰგვანდა, არც მთვარე, ხე ალვა, ედემს ხებული;

Так лежала, как у кряжа разъяренная тигрица.  
Не сравнится с ней чинара, ясный месяц и денница.

She crouched, like a tiger on the edge of a rock, her face flashing  
fury; no longer was she like the sun, the moon, an aloe-tree planted  
in Eden. Asmat'h seated me far off; my heart was struck as by a lance.  
Then she sat erect with frowning brows, angry, enraged.

Elle était tendue, comme un tigre, farouche aux abords d'un ravin  
Ni la lune ou l'arbre d'Eden, ni le soleil ne lui ressemble.

Wie am Felsabsatz die Tigrin lag sie, ganz in Grimm und Flamme;  
weder Mond noch Sonne glich ihr, nicht gelang dem Aloe-Stamme.  
Fern wies mir Asmath den Platz an, daß mein Schmerz gelinder flamme.  
Jene hob das Haupt, als ob sie wüte, zürne und verdamme.



მან უთხრა: „წადით, დაკარგეთ მუნ, სადა ზღვისა ჭიბია;  
წმიდისა წყალი ვერ ნახოს მყინვარე, ვერცა ლიპია“.

Им велит: «Ее покиньте, где бушуют волн обвалы,  
Где б ей был родник неведом, ни замерзнувший, ни талый».

She said to them: "Go and lose her in the middle of the great seas.  
Do not show her frozen water, let not this water be slippery".

Davar leur commanda: „Allez la jeter au sein de la mer,  
Qu'elle ne puisse gagner l'eau de la glace ou de la rivière.“

„Setzt sie aus, „befiehlt die Wittib,“ wo des Weltmeers Naben graut!  
wo kein süßer Trinkquell schimmert, nicht vereist noch aufgetaut!



سازمان اسناد و کتابخانه ملی  
جمهوری اسلامی ایران



ილოცავს იტყვის: „მაღლო ღმერთო ხმელთა და ცათაო  
ზოგჯერ მომცემო პატიჟთა, ზოგჯერ კეთილთა მზათაო,  
უცნაურო და უთქმელო, უფალო უფლებათაო,  
მომეც დათმობა სურვილთა, მფლობელო გულის-თქმათაო!

Стал молиться: «Бог всевышний, тверди неба вседержитель,  
То ввергающий в страдания, то добра уготовитель,  
Непостижный, несказанный, права правую зиждитель,  
Дай мне силы над страстями, вожделий повелитель!»

He prayed and said: "Great God of earths and heavens, who sometimes  
punishest, sometimes art ready to reward, Unknowable and Unspeakable,  
Lord of lordships, give me to endure longing, O ruler of heart-utterances!"

Il prie, disant: „O Dieu très haut, qui es aux cieux et sur la terre!  
Tantôt Tu donnes la souffrance, tantôt Tu es toute bonté,  
Inconnaissable et ineffable, ô Souverain des Souverains,  
Toi, le maître des passions, donne patience des désires.

„Fürst des Himmels!“ rief er betend, „Gnadengeist des Erdenlebens!  
Herr der Sühne und Vergeltung, Herr barmherzigen Vergebens!  
Wer dich zu begreifen trachtet, Waltender, der sucht vergebens.  
Mach in Lieb und Leid mich standhaft, weiser Lenker alles Strebens!



რახომსაცა ვამშვიდებდი, ვეფხი ვერა დავამშვიდე...

«Я смирить ее старался, но никак не удалось».

I wished to kiss it for the sake of her for whom hot fires burn me.

Quoi que je fis pour l'apaiser, je ne pus calmer la tigresse.

Und die Bestie küssend, denk ich huldvoll ans geliebte Weib.



1406320  
202-001033



რას ესმოდა მღერა ყმისა, სმენად მხეცნი მოვიდიან...

Отовсюду вышли звери слушать звуки песнопенья.

When the knight's song was heard, the beasts came to listen.

En écoutant le chant du Preux, les bêtes viennent pour l'entendre.

Wild tritt aus Gehölz und Höhle, lauscht voll Demut dem Gesange,  
Steine tauchen aus dem Wasser, folgen stumm dem süßen Klange.



ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ  
ՊԱՐԼԱՄԵՆՏԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ



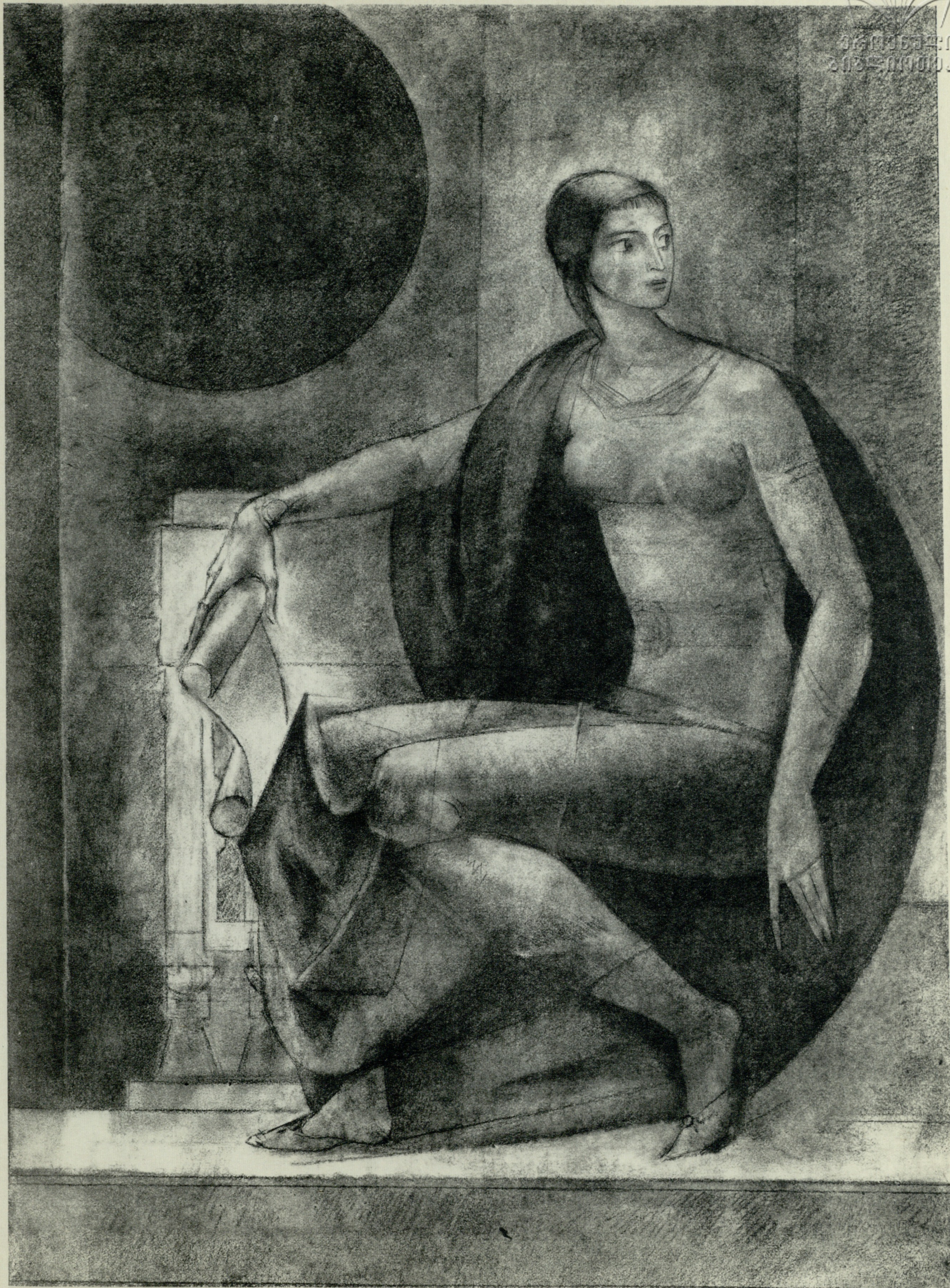
თავითგან გითხრობ ყველასა, თქვენ სმენად დაემზადენით...

«То внимательно прослушай, что сказать тебе готова».

O lion, how can we magnify thy praises!  
Since we may feast that his blood is split, I will tell thee  
all from the beginning; prepare to listen.

Préparez-vous à m'écouter, je dirai tout par le début.

Höre die Geschichte! Ihren schlimmen Abschluß sahst du eben.



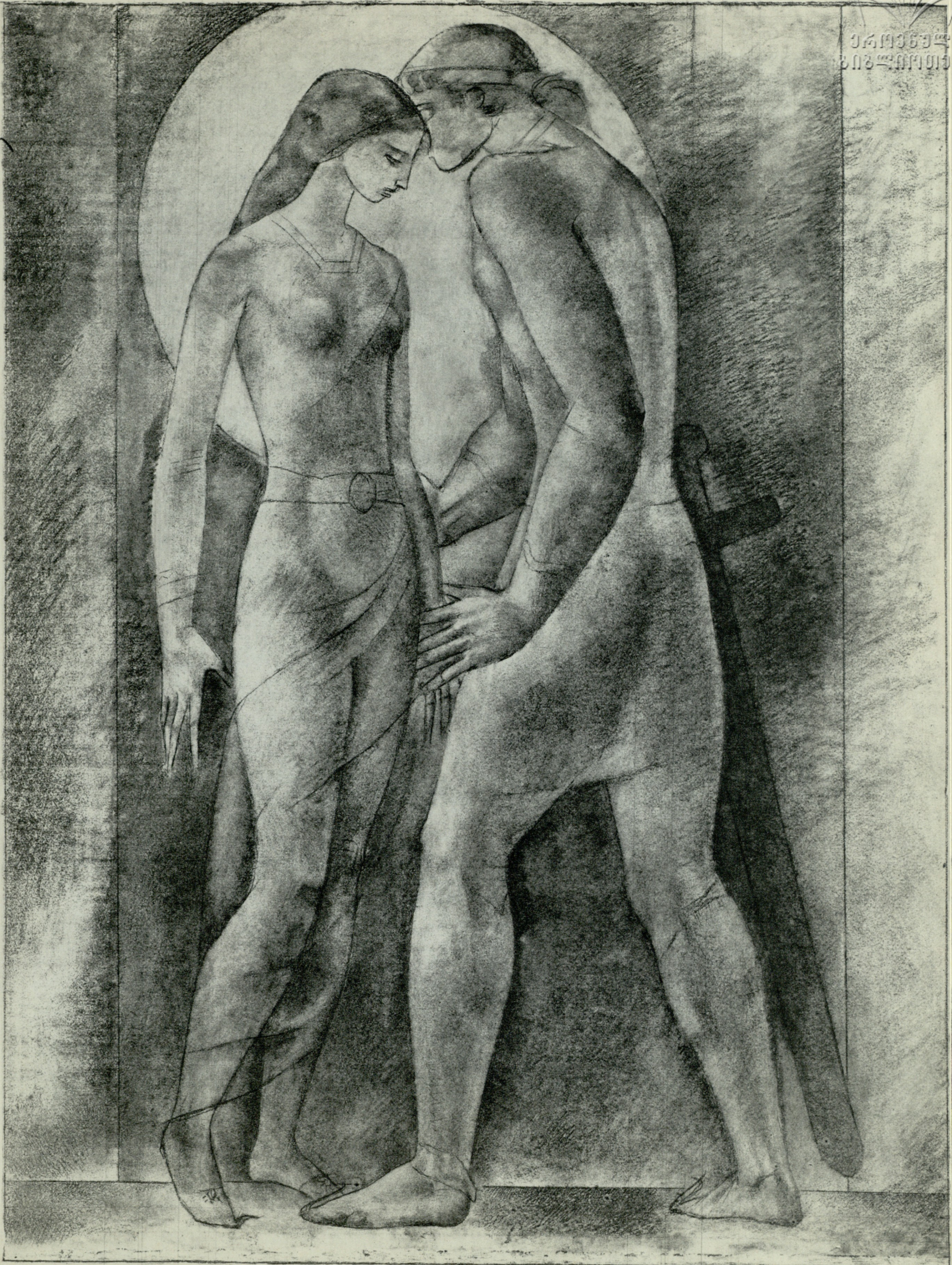
დაწერა წიგნი, მსმენელთა გულისა გასაგმირალი.  
ვარდი გააპის, გამოჩნდის მუნ ბრული გამომჭირვალი.

Написала — кто услышит, содрогнется, пораженный,  
И хрусталь сквозь розу блещет — лепестками отраженный

She wrote a letter piercing the heart of the hearers. She spilt the  
rose; there appears the translucent crystal.

Elle écrivit de tendres mots, perçant de flèches qui l'écoute,  
En son milieu se fend la rose, un rang de perles se découvre.

Dieser Brief durchfährt des Lesers Herz mit unbezähmten Feuern.  
Rosenlippen, die sich öffnen, scheinen Perlen blankzuscheuern.



ნახეს მზისა შესაყრელად გამოეშვა მთვარე გველსა,  
მუზარადი მოეხადა, კშენის აკრვა თმასა ლელსა...

Видят: выпустил из плена змей луну встречать восход, —  
Тариель стоит без шлема, а она — краса красот.

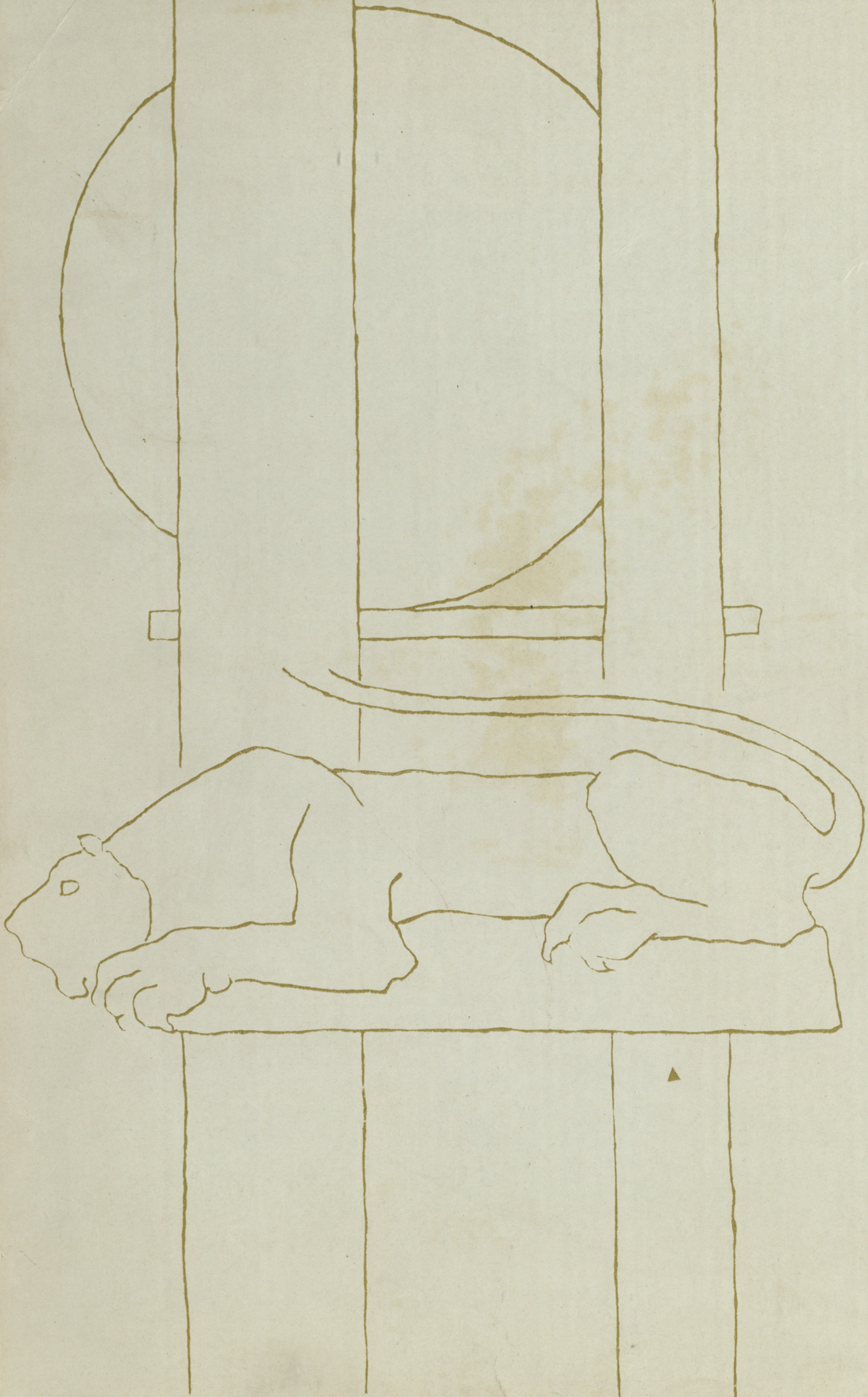
They saw: the moon was freed from the serpent to meet the sun;  
he raised his helmet, his reedy hair thrown back became him well,  
breast was glued to breast, neck was riveted to neck.

Ils voient, délivrée du dragon, la Lune toucher au Soleil,  
Le Preux avait quitté le heaume, ses cheveux épars lui seyaient.

Frei vom Drachenfittich blickt jetzt morgenwärts der Mond hervor.  
Tariel, ohne Helm, sieht Nestan in des Haarschmucks süßem Flor,







ЛЕВАН ЦУЦКИРИДZE

Иллюстрации к поэме Шота Руставели  
«Витязь в тигровой шкуре»

А Л Ь Б О М

Издательство «Литература да Хеловнеба»  
Плеханова, 179  
Тбилиси 1966

რედაქტორი ლია ღლონტი.  
მხატვრ. რედ. ირ. ჯანაშვილი.

ხელმოწერილია დასაბეჭდად 5/III 1966 წ.,  
ქალაქის ზომა 70×108<sup>1</sup>/<sub>8</sub>, ნაბეჭდი თაბახი 12,6  
სააღრ.-საგამომც. თაბახი 6,43 ტირ. 5000. შეკვ. № 803.

ფასი 1 მან. 62 კაპ.

საქ. კვ-ის გამომცემლობის პოლიგრაფკომბინატი  
თბილისი, ლენინის ქ. № 14.

II/კომბინატ იმპრინტის ცენტრი  
თბილისი, ულ. ლენინი, № 14